

О некоторых особенностях восприятия России в современном Египте и не только в нем¹

ЯКОВ
ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН
ГЕРАЩЕНКО

Осенью 2015 года Россия начала военную операцию в Сирии, выступив на стороне правительства Башара аль-Асада в идущей в этой стране гражданской войне. многими наблюдателями это событие было воспринято как начало «возвращения России на Ближний Восток»². Действительно, после распада Советского Союза в 1991 году геополитическое влияние Москвы в ближневосточном и североафриканском регионе оставалось лишь номинальным; теперь же прямое военное вмешательство во внутренний конфликт, разгоревшийся в одном из арабских государств, снова превращало Россию в одного из наиболее заметных внешнеполитических акторов, действующих на Ближнем Востоке. Иными словами, для новейшей истории российско-арабских отношений это был по-настоящему переломный момент. В свою очередь Египет, будучи самым многонаселенным арабским государством, причем занимающим ведущее место в региональной политике, в значительной степени традиционно предопределяет общественные настроения всего арабского мира. По этой причине исследование того, как нынешняя Россия воспринимается в «стране пирамид», позволит составить представление о том, как наша страна выглядит в глазах ближневосточной публики в целом.

Яков Борисович
Лиокумович (р. 1998) –
стажер-исследователь
научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иван Денисович
Геращенко (р. 1998) –
главный специалист
отдела международного
сотрудничества ФГБУ
«Центр оценки качества
зерна».

ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИРИИ КАК ПРЕДЫСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде, чем начать разговор о том, как трактуется нынешняя Россия египтянами, полезно остановиться на отношении ближневосточных комментаторов к тому событию, которое не-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РНФ (21-18-00123).

² См., например: Караганов С.А., Макаров И.А. *Поворот на Восток: итоги и задачи* // Журнал Сибирского гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 8. С. 6–10; Королев А. *Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications* // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89. № 1. P. 53–73;

сколько лет назад и реанимировало российскую тему в арабском политическом дискурсе. В арабском мире российское решение об интервенции в Сирии было встречено по-разному, а его оценки варьировали от апологетических до негативных. В дискуссиях на эту тему довольно громко звучали голоса тех местных наблюдателей, согласно которым Россия, непосредственно занявшись Сирией, допустила серьезную ошибку, а применяемые ею силовые методы неминуемо повредят имиджу страны в ближневосточном регионе. Так, сирийский политический аналитик Абдель Насер аль-Айед, работающий в исследовательском центре «Al Jazeera» в Катаре, в октябре 2015 года заявлял, что истинной целью военной операции Москвы является вовсе не декларируемая борьба с террористами запрещенного в Российской Федерации «Исламского государства Ирака и Леванта» («ИГИЛ»), а защита диктаторского режима аль-Асада, что с неизбежностью приведет Москву к конфронтации со всеми фракциями сирийской оппозиции, как светскими, так и исламистскими³. Как полагал автор, это в свою очередь должно будет вылиться в столкновение со странами, их поддерживающими – в первую очередь монархиями Персидского залива. Кроме того военное вмешательство в сирийский конфликт, не согласованное с западными державами, вполне может обернуться даже не региональным, а глобальным кризисом. Наконец, операция в Сирии, доказывалось в статье, имела и внутриполитические цели, задаваемые сугубо местными трендами: с ее помощью российское руководство удовлетворяет запрос консервативно-милитаристских элит и поддерживающих их сегментов общества, которые хотят видеть свою страну «влиятельным глобальным игроком».

Палестинский политолог Салам ас-Саади был не столь категоричен в своих оценках, хотя его доводы в статье 2015 года во многом схожи с мыслями аль-Айеда в том, что главной целью российской операции выступает поддержка властей Дамаска, а не противостояние «ИГИЛ»⁴. При этом, однако, эксперт высказывал предположение, что сирийский лидер аль-Асад, несмотря на огромную помощь, оказанную ему Россией, вовсе не готов исполнять все предъявляемые ему требования Москвы. В подтверждение отмечалось, что он и ранее саботировал многие инициативы России, включая попытки сформировать

BLAKKISRUD H. *An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy* // BLAKKISRUD H., WILSON ROWE E. (Eds.). *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 11–30.

- 3 AL-'AYYED A. *At-Tadakhul al-'Askari ar-Rusi fi Suriya: ad-Dawa'i w-at-Tada'iyat w-al Afaq* [Аль-Айед А. Российская военная интервенция в Сирии: мотивы, последствия и перспективы]. Aljazeera Centre for Studies. 2015 (<https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2015/10/2015101105029303116.html>).
- 4 AS-SA'ADI S. *Ahdaf Rusiya Tawilat-l-Amd fi Suriya* [Ас-Саади С. Долгосрочные цели России в Сирии]. Carnegie Endowment for International Peace – Sada. 2015. 6 октября (<https://carnegieendowment.org/sada/61524>).

в Сирии правительство национального единства и проведение под российской эгидой конференций по мирному урегулированию. Россия, как полагает ас-Саади, сталкивается с парадоксом: ее неспособность эффективно воздействовать на сирийского президента неумолимо подрывает тот самый авторитет, желание восстановить и укрепить который виделось Кремлю одной из принципиальных целей сирийской кампании.

Довольно критичный настрой по отношению к Москве тогда демонстрировал и египетский аналитик Мухаммед Мансур: подобно другим арабским комментаторам, он придерживался мнения, что российская военная операция в Сирии значительно осложнит отношения Москвы с суннитскими монархиями Персидского залива⁵. Согласно Мансуру, несмотря на то, что в уничтожении «ИГИЛ» заинтересованы все страны региона, государства Залива одновременно выступают против сохранения режима аль-Асада из-за его прочных связей с шиитским Ираном и проиранской группировкой «Хизбалла», поскольку их беспокоит протестный потенциал собственных шиитских меньшинств, ориентированных на Тегеран. И в этом плане поддержка, оказываемая Москвой Дамаску, ими приветствоваться никак не может.

Следуя в целом линии упомянутых выше авторов и разделяя их аргументы, директор Арабского центра политических исследований в Дохе (Катар) Азми Бишара дополнял и развивал их, обвинив Россию в политике двойных стандартов. По его мнению, Москва, не имея четко выраженной внешнеполитической идеологии, «борется с сепаратистами в одних странах и поддерживает их в других странах» исходя из сугубо собственных прагматических интересов⁶. Кроме того, катарский эксперт был убежден, что Россия воюет главным образом с силами умеренной сирийской оппозиции, а не с «ИГИЛ», позиции которого ее действия объективно усиливают.

Тем не менее среди арабских авторов тогда оказалось и много тех, кто оценил российскую военную операцию в Сирии позитивно и воодушевленно. Например, египетский политолог и телеведущий Ахмед Муса, обычно высказывающий точку зрения официального Каира, с самого начала российской интервенции выражал ей поддержку. В одной из телепередач, показывая видео российских ударов по целям «ИГИЛ», Муса хвалил российские вооруженные силы за «решительность и эффективность», противопоставляя их американской армии,

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

5 MANSOUR M. *Arab Countries' Conflicting Views on Russian Intervention in Syria*. Fikra Forum: An Initiative of the Washington Institute for Near East Policy. 2015. November 4 (www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/arab-countries-conflicting-views-russian-intervention-syria-0).

6 BISHARA A. *Russian Intervention in Syria: Geostrategy Is Paramount*. Doha: Arab Center for Research & Policy Studies, 2015.

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТАХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

не сумевшей, по его словам, за год своего военного присутствия добиться в Сирии сколько-нибудь заметных результатов. (Позже выяснилось, что за репортаж о российских ударах по экстремистам Муса принял кадры из видеоигры, что немного подпортило впечатление у зрителей, но не умалило энтузиазма у самого эксперта.) Как пишет упоминавшийся выше Мухаммед Мансур, десятки египетских журналистов и интеллектуалов придерживаются мнения, высказанного Мусой⁷.

Сторонники военной операции, разумеется, есть и среди сирийских интеллектуалов⁸. К примеру, сирийский политолог Мухаммед Сейф ад-Дин в одной из своих статей заявлял, что Россия своей решимостью бороться с терроризмом в Сирии разрушила турецкие планы по дестабилизации этой страны и всего региона⁹. Турцию и страны Запада автор материала непрямую обвинял в поддержке террористов. Кроме того, Сейф ад-Дин подчеркивал, что, в отличие от других стран, вмешивающихся в сирийский конфликт, Россия присутствует на сирийской территории вполне легитимно, поскольку она проводит военную операцию по просьбе законного правительства из Дамаска.

Похожего мнения придерживался и сирийский политолог Ибрагим аль-Амин, который в одном из ливанских изданий позитивно отзывался о формировании регионального антитеррористического альянса, состоящего из России, Сирии, Ирана, Ирака и движения «Хизбалла»¹⁰. По мнению автора, такой коалиции предстоит стать «силой, способной противостоять “Аль-Каиде” и двум ее ответвлениям в лице “ИГИЛ” и “Ан-Нусры”» (все они запрещены в России). При этом главными спонсорами терроризма аль-Амин называет альянс Турции, Катара и Саудовской Аравии, а также западные страны, совокупно именуя их «врагами Сирии». Россия же, соответственно, играет в союзе «4+1» решающую роль, поскольку располагает изрядной военной мощью и немалым международным влиянием.

Семь лет назад, когда российские вооруженные силы развернули масштабную военную операцию на сирийской территории, арабские комментаторы оценивали эту инициативу по-разному, но почти все сходились в одном: Москва вновь, причем весьма стремительно, превратилась в одного из клю-

7 MANSOUR M. *Op. cit.*

8 См., например: SHADIYAAQ I. *Al-'Awdah ar-Rusiyah ila-sh-Sharq al-Awsat* [Шадъяк И. Возвращение России на Ближний Восток] // Lebanese National Defense. 2022. 10 января (www.lebarmy.gov.lb/ar/content/); MATAR G. *Rusia fi-sh-Sharq al-Awsat. Keyfa wa ila Mata wa bi Eyy Thaman* [МАТАР Г. Россия на Ближнем Востоке. Как, насколько и какой ценой?] // Asharq Al-Awsat. 2019. 26 ноября (<https://aawsat.com/home/article/2008101>).

9 SEYF AD-DIN M. *At-Ta'irat ar-Russiyah wa Ahlam as-Sultan* [Сейф Ад-Дин М. Русские самолеты и мечты султана] // Al Mayadeen. 2015. 17 ноября (www.almayadeen.net/butterfly-effect/611235/).

10 AL-AMIN I. *Tahaluf 1+4 li Muwajihat al-Irhab* [Аль-Амин И. Альянс «4+1» по противодействию терроризму] // Al-Akhbar. 2015. 22 сентября (<https://al-akhbar.com/Syria/11475>).

чевых акторов ближневосточной геополитики, что действительно позволяет говорить о полномасштабном российском «возвращении» в регион. Более того, и недруги, и сторонники России видели в ней силу, с которой впредь придется считаться таким традиционным региональным игрокам, как Саудовская Аравия, Турция, Израиль, Европейский союз и США.

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Образ России в арабском политическом дискурсе

Безусловно, на оценках сирийского эпизода, как и на формировании образа России в арабском мире в целом, ощутимо сказывается предшествующая история политического, экономического, культурного присутствия Советского Союза на Ближнем Востоке. СССР сначала поддерживал арабские национально-освободительные движения, а потом предоставлял молодым независимым государствам экономическую и технологическую помощь, участвуя в реализации важных инфраструктурных проектов. Кроме того, СССР рассматривался как противовес западному влиянию и источник альтернативной модели социально-политического устройства¹¹. Начиная с 1960-х Москва активно поддерживала арабские страны в конфликте с Израилем, который в ближневосточном обществе исторически воспринимался как форпост западного влияния в регионе и заклятый враг арабского мира. Поэтому, как отмечают российские ученые, в арабском общественном дискурсе сохранился довольно устойчивый положительный образ России, особенно среди людей старшего поколения.

Однако, по мнению российского арабиста Алексея Васильева, политическая линия, которую проводит на Ближнем Востоке современная Россия, качественно отличается от прежней советской – в первую очередь тем, что в ней отсутствует идеология и преобладает прагматизм¹². Покончив с «простоем» 1990-х, на протяжении которых Ближний Восток не был для Москвы приоритетным направлением, России удалось установить партнерские отношения со всеми значимыми региональными акторами, включая Саудовскую Аравию и Израиль, с которыми СССР по идеологическим причинам не сотрудничал¹³. Соответственно, образ современной России, бытующий на Ближнем Востоке, сочетает в себе элементы, унаследованные от СССР, с отсутствием

¹¹ Подробнее см.: Мохова И.М. *Образ России в арабском мире: от советско-арабской дружбы до проблемы поиска нового образа*. Институт Ближнего Востока. 2013. 1 февраля (<http://www.iiimes.ru/?p=16683>).

¹² См.: ВАСИЛЬЕВ А.М. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. М.: Центрполиграф, 2018.

¹³ КАРАГАНОВ С.А., МАКАРОВ И.А. Указ. соч.

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,

ИВАН ГЕРАЩЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТАХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

марксистско-ленинской доктрины и готовностью сотрудничать со всеми здешними государствами¹⁴.

Из характерных черт, объединяющих образы СССР и Российской Федерации, эксперты и публика выделяют вечное противостояние со странами Запада во главе с США. Практически во всех политических событиях на Ближнем Востоке российская и американская позиции были диаметрально противоположными: в частности, нынешняя Россия, подобно прежнему Советскому Союзу, стабильно поддерживала диктаторские режимы Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и Башара аль-Асада, против которых выступали демократические страны Запада. По мнению некоторых аналитиков, опираясь на популярность в регионе антиамериканских нарративов, России стоит и в дальнейшем последовательно позиционировать себя в качестве силового центра, противодействующего Западу, убеждая в принципиальности такой позиции своих арабских партнеров¹⁵. Стоит отметить, что подобная стратегия пользуется определенным успехом: как считает ливанский политолог Хелаль Хашан, у большинства арабов давно сформировалась подсознательная враждебность к Западу из-за непоколебимой американской поддержки Израиля. Соответственно, арабы – прежде всего «арабская улица» – готовы поддерживать любую страну, лишь бы только она выступала против внешней политики Вашингтона¹⁶.

Помимо этого, в таком регионе, как Ближний Восток, где легитимность власти исторически связывалась с харизмой, Россия воспринимается через образ ее президента Владимира Путина¹⁷. Российский лидер превратился в своего рода бренд, символизирующий военную мощь возглавляемого им государства. Как считает Хашан, для многих арабов, особенно мусульман-шиитов, поддерживающих Башара аль-Асада, Путин стал «народным героем сродни Саладину»: они видят в нем «лидера большой и могущественной державы, которая не сгибается под давлением Соединенных Штатов Америки, поскольку обладает ядерным оружием»¹⁸.

Перечисленные выше тенденции в полной мере проявили себя в египетском контексте. Египетские дискурсивные практи-

14 ISSAEV L., SHISHKINA A. *Russia in the Middle East: In Search of Its Place* // MUHLBERGER W., ALARANTA T. (Eds.). *Political Narratives in the Middle East and North Africa: Conceptions of Order and Perceptions of Instability*. Cham: Springer, 2020. P. 95–114.

15 ВАСИЛЬЕВ А.М. Указ. соч.

16 HASHAN H. *Limadha Yahdhi Butin bi-Sha'abiyah lada-l-'Arab* [ХАШАН Х. Почему Путин пользуется популярностью у арабов] // AL-Quds Al-Arabi. 2022. 9 апреля (www.alquds.co.uk).

17 RUMER E., WEISS A. *A Brief Guide to Russia's Return to the Middle East*. Carnegie Endowment for International Peace. 2019. October 24 (<https://carnegieendowment.org/2019/10/24/brief-guide-to-russia-s-return-to-middle-east-pub-80134>).

18 HASHAN H. *Op. cit.*

ки, касающиеся международной политики, традиционно резонируют по всему региону, и отношение к Российской Федерации в этом смысле не исключение. Безусловно, в «стране пирамид» устойчивости положительного восприятия России заметно способствует историческая память: Москва выстраивала теплые отношения с Каиром со времен президента Гамала Абдель Насера, при котором советские специалисты участвовали в возведении Асуанской плотины, а также строительстве почти сотни инфраструктурных и промышленных объектов¹⁹. Москва оказывала поддержку Египту во время Суэцкого кризиса 1956 года, а также арабо-израильских войн, поставляя вооружения и обучая кадры. Важно подчеркнуть, что с нынешним египетским режимом, который возглавляет президент Абд аль-Фаттах ас-Сиси, у Кремля так же сложились весьма хорошие отношения.

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Образ современной России, бытующий на Ближнем Востоке, сочетает в себе элементы, унаследованные от СССР, с отсутствием марксистско-ленинской доктрины и готовностью сотрудничать со всеми здешними государствами.

Официальный Каир неоднократно выражал поддержку российской операции на сирийской земле: в частности, министр иностранных дел Самех Шукри открыто приветствовал желание России бороться с террористами и остановить их продвижение в Сирии²⁰. Схожим образом о российской операции отзывались многие египетские общественные деятели и интеллектуалы. По мнению местных экспертов, главным преимуществом российско-египетских отношений является их прагматичный, то есть лишенный идеологической компоненты, характер: Россия оказывает Египту военную помощь, не обращая внимания на то, как египетское руководство решает свои внутригосударственные проблемы. Египтянам это по душе, поскольку США, стойко выражая заинтересованность в демократических реформах в стране, неоднократно замораживали поставки вооружений после очередного разгона египетскими властями антиправительственных демонстраций или каких-то иных отступлений от правозащитного канона²¹. С нынешней Россией, которая закрывает глаза на подобные вещи, вести дела гораздо проще.

19 Подробнее см.: БЕЛЯЕВ И.П., ПРИМАКОВ Е.М. *Египет: время президента Насера*. М.: Мысль, 1981.

20 ТАРАСОВ Д. МИД Египта: Каир выступил в защиту действий ВКС РФ в Сирии // ТАСС. 2016. 13 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583241>).

21 См., например: RYAN M. *Obama Administration Ends Long Hold on Military Aid to Egypt* // The Washington Post. 2015. March 31 (www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-administration-ends-long-hold).

Причем военной областью российско-египетские отношения не ограничиваются: две страны активно сотрудничают в сферах торговли, энергетики и туризма. О положительной динамике двухсторонних отношений во всех областях и о взаимной доверительности партнеров свидетельствует тот факт, что в октябре 2018-го Москва и Каир подписали Договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, который заменил собой Договор о стратегическом партнерстве от 2009 года²². Новый документ предусматривает более широкое поле двустороннего взаимодействия²³. Впрочем, поскольку межгосударственные связи не всегда точно фиксируют отношение населения той или иной страны к ее официальным партнерам, полезно сверить высказанные в этом разделе предположения с результатами полевых исследований, проведенных в минувшем году в Египте.

Российский имидж в социологическом измерении

В декабре 2021 года сотрудники научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» провели в Египте полевое исследование, задача которого заключалась в реконструкции образа России, бытующего среди египетской молодежи в контексте российского возвращения на Ближний Восток. В ходе этой работы было проведено анкетирование, включающее двадцать закрытых вопросов, которые задавались египтянам и египтянкам моложе 35 лет, проживающим в Каире; всего были опрошены 123 человека. При построении выборки использовался вероятностный отбор.

Сначала остановимся на вопросах, относящихся к восприятию России в целом. Обработка анкет показала, что 65% опрошенных вне зависимости от пола, возраста и религии считают, что политика Российской Федерации в целом позитивно влияет на Египет; лишь 2% респондентов полагали, что Россия воздействует на их страну негативно. Интересно, что при-

on-military-aid-to-egypt/2015/03/31/6f528c2c-d7d6-11e4-8103-fa84725dbf9d_story.html); JAKES L., EL-NAGGAR M. *U.S. Blocks \$130 Million in Aid for Egypt over Rights Abuses* // The New York Times. 2022. January 28 (www.nytimes.com/2022/01/28/us/politics/egypt-us-human-rights.html).

22 См.: Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве от 17 октября 2018 года (вступил в силу 10 января 2021 года) (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101110009>).

23 См.: AL-ANANI K. *Growing Relations between Egypt and Russia: Strategic Alliance or Marriage of Convenience?* Arab Center. Washington, D.C. 2021. September 27 (<https://arabcenterdc.org/resource/growing-relations-between-egypt-and-russia-strategic-alliance-or-marriage-of-convenience/>).

мерно в том же соотношении опрошенные оценивали и роль бывшего Советского Союза: 62% дали ей позитивную оценку, а 1% – отрицательную. Учитывая такой контекст, представляется вполне естественным, что 73% опрошенных рассматривают Россию в качестве экономически развитого государства, а 50% ощущают экономическую и политическую поддержку, оказываемую Россией Египту. Лишь 22% опрошенных имели опыт личного общения с россиянами; это означает, что образ России в глазах молодого поколения египтян формируется в основном под влиянием СМИ. Наконец, 83% респондентов полагают, что Египет испытывает дефицит информации о России. Это в свою очередь может указывать на слабую эффективность российской публичной дипломатии. В целом же исходя из стойко положительного отношения к нашей стране, которое складывается при минимальном опыте общения с россиянами, можно сделать вывод, что на современную Россию проецируется положительный образ СССР, заимствуемый из прошлого.

Что касается вовлеченности России в ближневосточную политику, то исследование показало, что по многим вопросам, затрагивающим международные конфликты, египетская молодежь довольно индифферентна: так, 81% и 86% опрошенных затруднились оценить роль России в разрешении сирийского и ливийского кризисов соответственно. Причем если в отношении сирийского кризиса официальные позиции Москвы и Каира существенно не различались, то в Ливии Россия зачастую действовала не так, как хотелось официальному Каиру. В то время как Египет встал на сторону международно-признанного правительства, обосновавшегося в Триполи, Москва поддерживала маршала Халифу Хафтара, контролирующего восточную часть страны. Тем не менее расхождение ливийских интересов России и Египта не вело к возникновению антироссийских настроений. Иначе говоря, складывается впечатление, что вмешательство Москвы в региональные конфликты почти не влияет на общее отношение к России – если только речь не идет непосредственно о населении тех стран, на территории которых такие конфликты разворачиваются.

В последние годы участие российских частных военных компаний (ЧВК) в локальных конфликтах стало одним из наиболее распространенных способов обозначения российского присутствия как на Ближнем Востоке, так и в Африке: ЧВК из России участвовали в конфликтах в Сирии, Ливии, ЦАР, Судане, Мозамбике и Мали. При этом деятельность российских ЧВК нередко подвергалась жесткой критике, особенно на Западе²⁴.

²⁴ См., например: CARTER H. Vlad's Monsters: Putin's Wagner Group Mercenaries «Killed Kids, Raped and Tortured Women «Like Animals» & Executed Men in Mosques» // The Sun. 2021. May 7 (www.thesun.co.uk/news/14879449/putins-wagner-group-mercenaries/).

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

Однако, как показали результаты нашего исследования, молодые египтяне слабо осведомлены о российских ЧВК. Лишь 2% опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Слышали ли вы о присутствии российских ЧВК в Африке и на Ближнем Востоке?». Соответственно, подавляющее большинство респондентов оказались не в состоянии оценить их деятельность. При этом 24% опрошенных положительно оценили роль России в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке, в то время как отрицательно высказались по этому поводу лишь 2%.

Результаты опроса также подтвердили тенденцию, типичную для многих государств региона, – а именно, негативное отношение местной публики к ближневосточной политике США. Лишь 4% опрошенных считали американскую политику на Ближнем Востоке эффективной, причем, несмотря на существенную финансовую помощь, которая издавна оказывалась и продолжает оказываться американцами Египту. По-видимому, преобладающее негативное отношение египтян к политике Вашингтона следует объяснять действиями Соединенных Штатов в Ираке и Ливии, а также поддержкой, оказываемой ими Израилю. Около 50% респондентов заявили, что египетские проблемы являются в основном следствием внешнего вмешательства; при этом 86% считали подобное внешнее вмешательство причиной большей части ближневосточных проблем в целом, что вполне коррелирует с зафиксированными ранее антиамериканскими и антизападными настроениями. В отношении России подобная корреляция отсутствовала: большинство опрошенных, осуждающих стороннее вмешательство в ближневосточные дела, положительно или нейтрально отзываются о роли России в региональной политике и, в частности, в борьбе с терроризмом. Сказанное означает, что российское и американское вмешательство не приравнивается египтянами друг к другу. В целом одним из аспектов положительного отношения к России выступает ее противопоставление Западу и США, предстающее своеобразным продолжением советско-американского соперничества времен «холодной войны».

Любопытно при этом, что 43% опрошенных не смогли назвать ни одного известного им россиянина, в то время как 29%, отвечая на соответствующий вопрос, упомянули имя президента России Владимира Путина. Впрочем, 17% респондентов смогли назвать даже два имени (по частоте упоминаний вторым оказался Рамзан Кадыров), а 11% – три. Похоже, что президент Путин действительно превратился для арабской публики в своего рода бренд. Наконец, следует отметить, что положительное отношение к России остается для египтян чем-то чисто интуитивным: они не имеют достоверной информации о российской активности на Ближнем Востоке, но склонны

априорно относиться к ней положительно. Подобный уровень доверия, вероятно, объясняется памятью о взаимовыгодном сотрудничестве между Советским Союзом и Египтом после революции 1952 года. Иначе говоря, на обывательском уровне простые египтяне не делают разницы между нынешней Российской Федерацией и бывшим Советским Союзом: в их глазах это по-прежнему одно и то же государство.

ЯКОВ ЛИОКУМОВИЧ,
ИВАН ГЕРАЩЕНКО
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОС-
ТЯХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ...

На обывательском уровне простые египтяне не делают разницы между нынешней Российской Федерацией и бывшим Советским Союзом: в их глазах это по-прежнему одно и то же государство.

* * *

Начав в 2015 году военную операцию в Сирии, Россия вернула себе статус одного из ключевых акторов ближневосточной политики. Тем не менее анализ и экспертного, и обывательского дискурса свидетельствует, что образ России как в Египте в частности, так и в регионе в целом, находится в стадии формирования. Элементы, унаследованные от советского прошлого, продолжают сочетаться в нем с новыми чертами, среди которых выделяется избавленный от идеологических мотивов pragmatizm, превратившийся в основу всей внешнеполитической деятельности Кремля. При этом есть все основания предполагать, что линия, основывающаяся, с одной стороны, на противостоянии Западу, а с другой стороны, – на отказе от идеологического миссионерства, может помочь России не только сохранить старых союзников, но и обзавестись новыми.